

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.4

Елена Равильевна АБЫЗОВА,
судья Арбитражного суда города Москвы,
кандидат юридических наук, доцент
Barnaul2525@mail.ru

НОРМАТИВНАЯ ПЛАТФОРМА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА

THE NORMATIVE PLATFORM OF MODERN LAW AND ORDER

В статье исследуется категория правопорядка с позиции его нормативной основы. Рассматриваются различные точки зрения ученых относительно понятия «правопорядок» и влияния на него процессов цифровизации. Дается обоснование диалектической взаимосвязи таких правовых категорий, как правопонимание и правопорядок. Подтверждается идея, согласно которой правопорядок является составной частью и одновременно ядром общественного порядка. Утверждается справедливость тезиса относительно того, что правопорядок есть реализованный закон. Рассматриваются различные классификации правопорядков с выходом на его индивидуальный уровень. Исследуются правовые дефекты нормативной основы правопорядка с предложениями об их устранении. Обосновывается преобразующая роль информационной революции в качественной трансформации правопорядка. Анализируются различные подходы к понятию «платформа», в том числе применительно к деятельности органов внутренних дел. Обсуждаются проблемы становления и функционирования институтов гражданского общества и структур правовой государственности.

The article examines the category «of law and order» in terms of its normative basis. The various points of view of scientists regarding the concept of law and order and the impact of digitalization processes on it are considered. The substantiation of the dialectical interrelation of such legal categories as legal understanding and order is given. The idea that the law and order is an integral part and at the same time the core of public order is confirmed. The validity of the thesis that the law and order is an implemented law is affirmed. The various classifications of law and order with access to its individual level are considered. The legal defects of the normative basis of law and order are investigated with proposals for their elimination. The transformative role of the information revolution in the qualitative transformation of law and order is substantiated. Various approaches to the concept of a platform are analyzed, including for the activities of the internal affairs bodies. The problems of the formation and functioning of civil society institutions and structures of legal statehood are discussed.

Ключевые слова: правопорядок, нормативная платформа, правопонимание, закон, правовые дефекты, информационная революция, гражданское общество, правовое государство.

Keywords: law and order, regulatory platform, legal understanding, law, legal defects, information revolution, civil society, legal state.

Понятие правопорядка в отечественной юридической науке пока что не представлено общепринятой универсальной категорией, лишь описывается в качестве различных концепций. Отсутствует единое нормативное и законодательное определение, которое в практических целях порой используется в законодательных актах, хотя для теории более важной представляется нормативная основа правопорядка. Юридическая категория «правопорядок» еще более многозначна, чем категория «право», что обусловлено в том числе неоднозначным пониманием слова «порядок» [9, с. 84-85].

Признанием юридического характера нормативной основы правопорядка служат особенности раскрытия и описания механизма формирования и функционирования права. Отмеченное обстоятельство предполагает не только соотношение права, морали, религии и их взаимодействие, но и наличие базовых методов правового регулирования с последовательными этапами формирования современного правопорядка в виде консенсуса, общественного договора и конституции.

Категория «правопорядок» в российской правовой доктрине рассматривается в качестве инструмента познания, с помощью которого изучаются и оцениваются различные социально-правовые явления, их свойства, связи и характеристики. Однако и в доктрине, и в практике по сей день отсутствуют как общепризнанное понятие правопорядка, так и общие подходы к его осмыслению научным знанием. Напротив, отмечается тенденция к росту числа разработанных (особенно в последние годы) теоретических концепций правопорядка, различающихся между собой в основном элементами объективного и субъективного, должного и сущего, общеправового и отраслевого.

К примеру, М.В. Антонов считает возможным единообразное использование термина «правопорядок» в тех случаях, когда предполагается характеристика упорядоченного множества норм позитивного права той или иной страны [2, с. 24]. Н.И. Матузов полагает, что нормативной основой правопорядка выступает само право [12, с. 85]. При

этом должно быть установлено разумное соотношение между правом и правопорядком, позволяющим анализировать всю правовую реальность в целостном виде. Из этого следует, что нормативной основой современного правопорядка должно быть признано право, являющееся ядром и нормативной основой правопорядка.

Безусловной признается диалектическая взаимосвязь таких близких друг к другу правовых категорий, как правопонимание и правопорядок, поскольку достижение целей правопорядка просто невозможно без эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности, а также без юрисдикционной защиты прав и свобод физических и юридических лиц.

О влиянии процессов цифровизации на правопорядок рассуждают М.В. Залоило и Д.А. Пашенцев, в результате чего, по их мнению, меняется менталитет субъекта права, сам правопорядок частично перемещается в виртуальное пространство, преступность приобретает новые формы, перемещаясь в том числе в виртуальное пространство; наконец, цифровизация порождает и ускоряет появление новых групп общественных отношений, в том числе складывающихся в виртуальном пространстве [5].

Нам импонирует позиция авторов известной монографии, рассматривающих правопорядок в качестве цивилизационного феномена. Новое видение правопорядка представляется сочетанием и взаимодействием определенных категорий и принципов, таких как порядок, общественный порядок, правопорядок, справедливость, законность в единстве различных начал и интересов в правопорядке. Отмеченное дает возможность понимать правопорядок в качестве наивысшей социальной целесообразности, обеспечивающей гармоничное сочетание и существование противоречивых элементов в обществе и государстве [13, с. 15].

Интеллектуально-гуманитарная основа правопорядка представлена двумя уровнями: общесоциальным – в виде концепций и специально-юридическим – правовой доктриной, каждый из которых имеет специфические за-

кономерности формирования и реализации. Справедливым представляется указание на то, что взаимосвязь, существующая между правовой доктриной и правопорядком, основывается на убеждении, которое, наряду с принуждением, является наиболее универсальным методом формирования правопорядка.

Вместе с тем существует мнение, что универсального порядка не существовало никогда, как никогда не существовало и универсального человека! Поэтому несовершенство правопорядка определяется априорно несовершенством самого человека. Хотя универсальный правопорядок, по мнению И.Б. Ломакиной, на данном этапе развития человеческой цивилизации – это мифологема, однако стремление к универсализму было всегда присуще человечеству на всех этапах его существования и развития [10].

Следует помнить, что правопорядок может возникнуть и существовать лишь в случае заинтересованности в нем государственной власти. Однако, особенно в последние два-три десятилетия, в России существенно снизилось качество обеспечения правопорядка, стабильность и устойчивость его институтов, главным образом, за счет кризисных явлений в экономической, политической и мировоззренческой сферах. Больше десяти лет не может «выбраться» из профессионального и кадрового застоя правоохранительная система. Вместе с тем государственная оценка сложившегося положения до сих пор отсутствует, хотя общество давно уже живет в принципиально новой реальности.

Поскольку содержательно правопорядок – это результат действия права, основной формой которого выступает закон, допустимо признать справедливость утверждения, что правопорядок есть реализованный закон. Именно достижение правопорядка позволяет закону из абстрактного правила превратиться в реальный регулятор общественной жизни. С точки зрения М.В. Залоило и Д.А. Пашенцева, под воздействием цифровизации закон будет вынужден существенно трансформироваться, изменятся его природа и назначение. Тенденция к индивидуализации правового регулирования, считают ученые, в

перспективе поставит вопрос об индивидуальном правопорядке, который может прийти на смену правопорядку национальному [5].

Зарождение нового типа правопорядка, формирование его институциональной основы может сопровождаться отражением сложного взаимодействия и противостояния государства и гражданского общества. Вместе с тем реальный правопорядок, являясь общественным феноменом, может возникнуть и функционировать только в среде, которую принято называть гражданским обществом.

В условиях трансформации национального правопорядка, по мнению Е.А. Петровой, он должен базироваться на следующих изменениях в национальном праве: а) на усилении конвергенции между национальными правовыми системами путем заимствования (сближения) правовых институтов; б) на унификации норм национального права на основе международных правовых стандартов; в) на учете противоположных тенденций – глобализации правового пространства и стремлении сохранить национальную правовую идентичность [14].

В отдаленной перспективе цифровизация может частично либо даже полностью изменить существующую модель правопорядка, коренным образом обновить системы как осуществления государственной власти, так и правового регулирования общественных отношений.

Нормативная основа правопорядка не лишена возможных деформаций, правовых коллизий и пробелов в праве. Подобные изъяны вызывают вопросы как у теоретиков, вынужденных устанавливать сущность права в ограниченном диапазоне, так и у практиков в связи с возможными проблемами в сферах правотворческой и правоприменительной деятельности. Специфической для современного правопорядка аномалией (эрозией) его субъектно-институциональной основы должна считаться коррупция как проявление публичной составляющей правопорядка.

Аномалии правопорядка могут возникать в рамках не только его субъектно-институциональной основы, но также интеллектуально-волевой и нормативной. В первом случае они

могут быть обусловлены утратой доверия, дефектами волеобразования и волеизъявления, а также конкуренцией различных правовых идей. В числе таковых В.Д. Зорькин назвал правовые дефекты, зачастую обуславливающие усиление коррупции [6, с. 3]. Аномалии второй группы следует разделить на обычные и экстраординарные. Если обычные аномалии естественны и довольно часты, то экстраординарные аномалии, напротив, весьма редки – в виде эрозии правопорядка.

Из рассмотренных подходов к определению правовых дефектов подавляющее большинство исследователей указывают на то, что следствием таких дефектов является неэффективность права как такового [3; 8]. На практике это проявилось, к примеру, в стремлении организованной преступности (в 1990-е годы) присвоить себе реализацию отдельных функций государства, что относится к крайней степени депрессии правопорядка. При этом данные явления достаточно трудно исследовать по многим причинам.

Начавшаяся во второй половине XX в. информационная революция обусловила начало нового этапа преобразования правопорядка, в результате чего незначительные изменения стали накапливаться так быстро, что ускорились и качественные преобразования. Указанная трансформация правопорядка, протекающая как на формальном, так и на сущностном уровнях, обязательно скажется на действующей в настоящее время модели правопорядка, способной в будущем принять не известные пока что юридической науке и практике формы.

Перспективным научным направлением исследования современного правопорядка является конструктивизм, который право и правопорядок представляет в виде искусственно созданных конструктов. Так, по мнению Т.Я. Хабриевой, в будущем возможны вероятные сценарии трансформации нормативной основы правопорядка. Право может трансформироваться в программный код либо какой-то другой гибридный социальный регулятор, не исключено также, что право,

сохранив свои базовые признаки, сможет сосуществовать с программным кодом [17, с. 15].

Из общей теории права известен общепризнанный постулат: поскольку правопорядок неотделим от понятия права, можно утверждать, что там, где есть право, есть и правопорядок, и наоборот. При этом взаимоотношение права и правопорядка должно характеризоваться результативностью права, отражаемой правопорядком и проявляющейся в массовом следовании государством, организациями и гражданами установленным правовыми нормами правилам поведения.

Ключевой предпосылкой формирования новой модели правопорядка стало активное использование цифровых технологий в стране в условиях распространения пандемии COVID-19. Наиболее масштабно это проявилось в системе образования, с учетом перевода учебного процесса на дистанционный режим с использованием образовательных платформ. В доцифровой эпохе встречались такие названия, как «научная платформа», «образовательная платформа», «спортивная платформа», «игровая платформа» и т.д. Вместе с тем никакой системы в использовании слова «платформа» в тот период развития отечественного права не было.

Термин «платформа» несколько позже стал значительно чаще использоваться применительно к различным компьютерным программам, робототехническим программным платформам, мобильным приборным и кластерным платформам и т.д. По мнению А.В. Габова, начало 2000-х годов следует считать началом процесса создания нормативного обеспечения цифровой экономики, массированного использования понятия «платформа» в документах политико-правового характера и нормативных актах [4]. Именно в этот период появляются документы, в которых термин «платформа» стал использоваться при описании процессов, связанных с электронным взаимодействием участников различных правоотношений¹.

В Концепции создания цифровой аналитической платформы (вместе с Концепцией

1 Цифровая экономика Российской Федерации : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 28.07.2017 N 1632-р // СПС «КонсультантПлюс».

создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных) даны четкие разъяснения относительно предпосылок, целей, принципов создания цифровой платформы, обеспечения ее информационной безопасности¹.

В Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года² наряду с общим понятием «цифровая платформа», упоминаются и другие – конкретные – платформы: «единая платформа по принципу «одного окна»», «единая цифровая платформа организации научного и научно-технического взаимодействия в удаленном доступе» и др.

Наконец, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы констатируется сформированность национальной технологической платформы онлайн-образования, онлайн-медицины, единая инфраструктура электронного правительства, Национальная электронная библиотека³.

Новым явлением в процессе цифровой трансформации, требующим соответствующего правового регулирования, стали цифровые технологические (онлайн) платформы, действующие на основе сочетания программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, больших баз аналитических данных, искусственного интеллекта и т.д. Авторы одного из последних учебников «Цифровое право» определяют платформы в качестве совокупности онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности [18].

А.В. Алтухов и С.Ю. Кашкин предлагают расширенную трактовку термина «цифровая платформа», относя к ней: а) производственную автоматизированную систему, состоящую из оборудования и управляющего им

программного обеспечения; б) аппаратные (операционные) платформы или их совокупности с программным обеспечением и совместимыми устройствами и др. При этом в качестве цифровой платформы могут рассматриваться в том числе и правовые платформы [1]. В обыденном представлении платформы, по мнению указанных авторов, включают в себя всевозможные устройства (телефоны и планшеты), программное обеспечение (операционные системы и браузеры), различные поисковые системы, социальные сети и т.п.

Применительно к деятельности правоохранительных органов в современных условиях наиболее адаптированными, на наш взгляд, могут стать следующие информационные платформы:

- 1) платформы исполнения государственных функций с единым реестром с обязательной автоматизацией контрольной (надзорной) деятельности государственных органов;
- 2) платформа межведомственного электронного взаимодействия по созданию единой системы нормативной справочной информации и обмену необходимыми данными;
- 3) платформа для взаимодействия в сфере управления в целях согласованности действий участников стратегического планирования, прогнозирования по достижению выделенных приоритетов;
- 4) платформа поиска, подбора, обучения кандидатов на службу в правоохранительные органы, в том числе на базе информационно-аналитической системы Общероссийская база вакансий «Работа в России»;
- 5) платформа для регистрации, анализа и представления статистических данных о правонарушениях и лицах, их совершивших;
- 6) платформа идентификации, включая биометрическую, с созданием цифровых профилей граждан и юридических лиц;
- 7) платформа для приема обращений граждан и субъектов предпринимательской

1 Концепция создания цифровой аналитической платформы (вместе с Концепцией создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных) : объявлена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.12.2019 N 3074-р // СПС «КонсультантПлюс».

2 Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года : утв. Правительством Российской Федерации 29.09.2018 N 8028п-П13 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 N 203 // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности в связи с нарушениями их прав и законных интересов;

8) единая цифровая платформа для предложений граждан по совершенствованию деятельности ОВД и устранению недостатков в работе конкретных сотрудников;

9) платформа с принципом действия обратной связи («одного окна») для рассмотрения обращений граждан, поступающих в электронной форме;

10) платформа по процессу досудебного урегулирования споров между потерпевшим и обвиняемым при совершении малозначительных преступлений и преступлений средней тяжести.

Следует согласиться с утверждением С.П. Федоренко, что сегодня взаимодействие правоохранительных органов с гражданами в электронной виртуальной среде крайне ограничено, в силу чего стратегически важной является разработка приложений носимых устройств для деятельности сотрудников ОВД, в первую очередь для участкового уполномоченного полиции. По многим направлениям эта работа сегодня попросту провалена, поэтому требует существенной модернизации [16].

Преимущества и выгоды от таких приложений были бы обоюдными: с одной стороны, участковый, получая большие объемы полезной оперативной информации, смог бы обеспечить массовость охвата контингента на территории оперативного обслуживания; с другой – граждане получили бы возможность оперативно общаться с участковым, пересылать ему информацию и отслеживать ход их рассмотрения и принятия по ним решений, получая в ответ необходимые сведения.

Анализ действующего нормативного материала относительно эффективности влияния платформизации на социальную жизнь и деятельность ОВД в частности позволил выявить следующие недостатки: а) пренебрежение аккуратностью в использовании терминологии [11]; б) упоминание в официальных документах различных видов цифровых платформ, затрудняющее их использование в сфере правоохранительной деятельности; в) на фоне множества действующих цифровых

платформ отсутствует единая цифровая среда доверия к ним. В конечном итоге вся платформизация представляется пока хаотичным явлением с ограниченным результатом и неприятием ее сотрудниками ОВД.

Также следует отметить и такую весьма важную проблему, как отчужденность пользователей от цифровых платформ, выражающаяся в отношении к цифровым коммуникациям как к обременительным, навязанным, дискомфортным. Как следует из результатов исследований, проведенных Д.В. Ивановым и Ю.В. Асочаковым, неприятие и отчужденность пользователей от навязываемых цифровых технологий отметили большинство опрошенных респондентов в г. Москве – 79,5% и в г. Санкт-Петербурге – 78,8%. Рутинность навязывания цифровых технологий проявляется в обыденности практик, укорененных в сформированных социальных структурах и нормативных порядках [7]. Между тем уже существующие платформы при грамотном их воплощении в практику (обучение, инструктажи, тренинги и прочее) способны перевести традиционные производства на цифровые рельсы и устранить недостатки в профессиональной деятельности сотрудников ОВД.

На современном этапе важно не просто понять, какие виды цифровых платформ существуют, но и определиться с понятием и описанием платформы в праве, выдержав чистоту юридической терминологии, что необходимо для разграничения платформы и иных экономических и юридических феноменов.

Взаимосвязь права, законности и правопорядка должна одновременно влиять на совершенствование и развитие системы права и действующего законодательства в целях становления и функционирования институтов гражданского общества и структур правовой государственности [15, с. 164]. Значит, правовой порядок, инициируемый интересами и потребностями гражданского общества и каждой личности, может стать практическим свидетельством действия принципа законности, ориентированного на начала справедливости.

Библиографический список

1. Алтухов, А.В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине / А.В. Алтухов, С.Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – N 7. – С. 86-94.
2. Антонов, М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении / М.В. Антонов // Правоведение. – 2014. – N 1. – С. 24-42.
3. Блохин, А.В. Правовые дефекты: несовершенство права и правовая неопределенность / А.В. Блохин // Образование и право. – 2018. – N 9. – С. 52-57.
4. Габов, А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – N 4. – С. 13-82.
5. Залоило, М.В. «Национальный правопорядок России в условиях цифровизации» / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2019. – N 2. – С. 196-208.
6. Зорькин, В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – N 3. – С. 1-5.
7. Иванов, Д.В. Цифровизация и критическая теория общества / Д.В. Иванов, Ю.В. Асочаков // Социологические исследования. – 2023. – N 6. – С. 16-28.
8. Кожокар, И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии / И.П. Кожокар // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 42. – С. 558-586.
9. Лексин, И.В. Основы теории права : учебное пособие / И.В. Лексин. – М.: Форум : ИНФРА-М, 2011. – 271 с.
10. Ломакина, И.Б. Содержание правопорядка в его эволюционном развитии / И.Б. Ломакина // Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / редколл.: М.А. Беляев, В.В. Денисенко. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 34-40.
11. Мардер, Н.С. О терминологии в законодательстве об информационных технологиях / Н.С. Мардер // Понятийный аппарат в информационном праве : коллективная монография / отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов. – М.: ИПП РАН; Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 255-256.
12. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 511 с.
13. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., ИНФРА-М, 2019. – Т. 1. – 348 с.
14. Петрова, Е.А. Национальный правопорядок в эпоху глобализации: основные векторы трансформации / Е.А. Петрова // Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / редколл.: М.А. Беляев, В.В. Денисенко. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. – С. 185-191.
15. Працко, Г.С. Право и законность как основа правопорядка / Г.С. Працко // Философия права. – 2018. – N 2 (85). – С. 164-169.
16. Федоренко, С.П. Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка / С.П. Федоренко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7. – N 3. – С. 36-41. – DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-5.
17. Хабриева, Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – N 9. – С. 5-16.
18. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2020. – 640 с.